

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 377–381

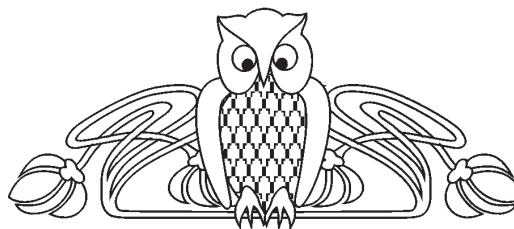
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 377–381

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-377-381>

Научная статья
УДК 165.62+111

Повседневность как актуальная форма жизни

Д. Н. Иванова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Иванова Даниэла Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, daria14july@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6957-5860>

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмысления повседневности как элемента общественной жизни. Повседневность рассматривается как модус, в котором человек предстает в своей бытийной достоверности. Определены предпосылки, приведшие к необходимости изучения этого понятия, а именно переосмысление роли рациональности как метода постижения человеком своего места в мире и социуме. Приводится краткий анализ разработанности проблемы повседневности в рамках философского дискурса. Дается социолого-культурологическое обоснование структур и уровней повседневности. Для прояснения природы повседневности как феномена философского и социального контекста анализа избран действительный общественно-исторический мир жизни. Потенциал этого подхода заключается в том, что в его рамках исследуется практическая сторона бытия, ранее, с точки зрения анализа мотивов жизни человека, признаваемая философами второстепенной. Доказывается, что социальное бытие регулируется отнюдь не только рационализацией всех сфер жизни. Важную роль в организации жизнедеятельности человека отводится процессам, выходящим за рамки рационального. Повседневность является не воплощением пассивного существования, а одним из этапов конституирования человеческого бытия, а также модусом активного, творческого, преобразующего действительность существования.

Ключевые слова: повседневность, гуманитарная эпистемология, философия жизни, социальность, порядок

Для цитирования: Иванова Д. Н. Повседневность как актуальная форма жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 377–381. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-377-381>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Daily reality as a relevant form of life

D. N. Ivanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Daniela N. Ivanova, daria14july@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6957-5860>

Abstract. The article focuses on the phenomenon of daily reality as an element of public life. The author analyses the principles this notion is based on. Daily reality is a mode that states the authenticity of a man's being. The premises which have led to the necessity of the notion's study are defined, the latter being a fundamental rethinking of rationality's role as a method to figure out where a man's place in the world is. The author analyses methodology of the problem within the philosophical discourse, and gives a socio-cultural justification of daily reality structures and levels. To formulate the social and philosophical nature of daily reality clearly actual historical and public life context is considered. Potentially this approach helps investigate the practical side of being, which earlier has been considered by philosophers unessential from the standpoint of motives of a man's life. The author argues that the rationalization of all the spheres of life is not the only way to regulate social being. Processes which go beyond rationality play a very significant role in human activity organization. Daily reality is not a form of passive, irresponsible living, it is viewed as the human mode of authentic being and one of the phases of active, creative, responsible existence constructing.

Keywords: daily reality, humanitarian epistemology, philosophy of life, social relations, order

For citation: Ivanova D. N. Daily reality as a relevant form of life. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 377–381 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-377-381>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня новое качество мира и человека инициирует еще один виток развития философской и социокультурной мысли. В процессе интерпретации традиционных и национальных мировоззренческих установок междисциплинарный дискурс оказывается особенно продуктивным в культурологическом, антропологическом, социально-философском контекстах.

В свою очередь, онтология жизни XX в. поднимает проблему переосмысления ставших привычными взаимоотношений мира и человека: назрела необходимость заменить «картину мира» самим миром, а «образ человека» – человеком. Наряду с переосмыслением философского познания XX в. «...методологическое движение “захватывает” всю множественность форм становящегося человеческого рода, проявляя себя с разной интенсивностью в политике, культуре, экономике, публичной и приватной жизни» [1, с. 121].

Тема повседневности является философским дискурсом уже довольно давно, поскольку мышление, сознание, время и другие проблемы, связанные с человеком, в течение многих веков были ключевыми для исследователей. Объективные знания о человеке, однако, не давали однозначных ответов на вопросы о том, как человек мыслит, каким образом он осознает происходящее и какое влияние на осознанность его существования оказывает темпоральность. Постепенно приходит понимание того, что не менее важными в вопросе изучения человека являются проблемы, связанные с мотивацией его жизнедеятельности. Более того, процессы, которые ускользали от внимания философов под видом второстепенных, следует изучать пристальней.

Повседневность является именно таким модусом человеческого существования. Специфика этого феномена состоит в том, что, существуя на всем протяжении жизни человека, повседневность одновременно включает в себя элементы живого, неповторимого, временного существования. Будучи алгоритмом, повседневность одновременно является и способом его исполнения, реализации. Именно поэтому повседневности посвящено большое количество работ и исследований, в которых дается ее разносторонний анализ.

Возможно, наиболее значимым компонентом такого анализа выступает феноменологическое рассмотрение повседневности. Феноменологический анализ основывается не на предпосылках, а на элементах интуитивного опыта, феноменах, из которых складывается наше сознание. Поскольку феноменология стремится исследовать, каким образом происходит конституирование объек-

тивного бытия, анализ повседневности этим методом представляется наиболее продуктивным.

Социальная феноменология стремится исследовать процессы, происходящие в ходе каждодневных взаимодействий людей, и их роль в конституировании реальности. В своей работе «Проблема социальной реальности» Альфред Шютц исследует реальность мира повседневности. В центре внимания – естественная предпосылка мира повседневности и ее прагматический импульс. Тем самым автор стремится прояснить отношения реальности мира повседневности с его теоретическим, научным рассмотрением [2, с. 208].

По мнению автора, человек своими врожденными рефлексам воспринимает повседневность как реальность. Интерпретация реального мира основывается на сумме ранее прожитого опыта, опыта нашего собственного и переданного родителями и учителями, который в форме «житейской мудрости» действует как руководство к действию [2, с. 209].

Человек извлекает из такого коллективного опыта знания о мире следующего порядка. Итак, мир состоит из имеющих четко определенную форму и содержание объектов, среди которых человек существует, которые его сдерживают и одновременно стимулируют к действию. С точки зрения естественной предпосылки, мир – это не просто совокупность элементов разного цвета, неясных шумов, центров тепла или холода. Философский и психологический анализ конституирования нашего опыта, предпринятый вне контекста самого опыта, показывает следующее. Элементы жизненного мира согласно естественной установке затрагивают наши чувства восприятия, затем мы пассивно, несмело и не всегда точно воспринимаем их, а наше сознание посредством активной апперцепции вычленяет определенные элементы из поля восприятия как вполне очерченные и выделяющиеся на фоне нашего более или менее артикулируемого опыта либо горизонта. С позиций естественного, природы мир не является личным и принадлежащим индивиду, но означает общий intersubъективный мир, принадлежащий всем. Этот мир интересует нас не с теоретической, а с практической точки зрения.

Мир повседневности – это одновременно и сцена, и объект наших действий и взаимодействий. Нам предстоит освоить его, а также изменить для того, чтобы осознать, какие цели мы преследуем в его рамках. Мы действуем не только внутри этого мира, но и благодаря ему. Движения нашего тела – это своего рода двигатель, благодаря которому мы видоизменяем и

меняем объекты и их взаимодействие. С другой стороны, эти объекты являются своеобразным ограничителем наших действий, который мы должны либо преодолеть, либо принять. Будет правильным сказать, что именно прагматический импульс лежит в основе мира повседневности, который нам приходится преобразовывать своими действиями [2, с. 209].

Итак, с точки зрения А. Шютца, именно практическая сторона повседневности развивает заложенный естественной предпосылкой импульс. Следовательно, рассмотрение повседневности в контексте социальности невозможно без анализа формы, в которой она себя реализует. Для В. Д. Лелеко повседневность предстает как модус культуры в контексте социолого-культурологического подхода. Повседневность включает «вещно-предметный ряд, событийный ряд и набор сценариев поведения, повседневных ритуалов, предполагающих гендерную и возрастную дифференциацию» [3, с. 93].

Однако структура повседневности обусловлена не только пространственно-временным, но и аксиологическим фактором: повседневность фундируется морально-этическими нормами человека, осознается лишь человеком, поскольку только он может дать оценку происходящим вокруг него событиям. С одной стороны, повседневность зиждется на повторении рутинных процессов, а с другой – на их осмыслении и придании им смысла и ценности [3, с. 103]. Два уровня смыслов повседневности придают ей практическую ценность и аксиологическое обоснование, тем самым спасая ее от возможной схематичности. Рутинные процессы, переживаемые заново с новыми эмоциями, воспринимаются человеком как новые события его жизни [4, с. 88].

Глубокий и всесторонний анализ повседневности содержится в работах Н. В. Розенберг, Н. Н. Козловой, С. Н. Тесля, Л. В. Беловинского, И. Т. Касавина, С. П. Щавелева. Так, повседневность как предмет изучения в рамках социологии предстает в виде открытой темпоральной структуры в непосредственном жизненном опыте человека. Эта структура подвижна и изменяется вместе с действительностью, не являясь ей имманентной, в соответствии с незапланированными социальными изменениями [5, с. 46–55].

Тема не пассивного, а деятельного участия присутствует в повседневности как работа человека над собой, его самосовершенствование. А. В. Марков выделяет в повседневности два смысла: ее потенциал, дающий нам силы для существования, и необходимость следовать определенной дисциплине, которая налагает на нас ответственность перед миром. Человек

не пассивно принадлежит повседневности, но, являясь ее главным действующим лицом, одновременно и объектом, и субъектом, участвует в преобразовании мира вокруг себя, тем самым поддерживая свои силы и воплощая свое существование. Повседневности свойственна динамика: «...Быстрая смена режимов существования заставляет искать опору в самых простых вещах, окружающих его» [6, с. 55–56].

Рассуждая о действенности человека, не следует забывать о «наличии структур порядка, производящих и организующих якобы спонтанную чувственность» [7, с. 238–239]. Следуя феноменологическому анализу, необходимо определить первичность интенций человека. Принято полагать разум единственно верным алгоритмом упорядоченной жизни. Однако, говоря об активном и осознанном существовании человека, нужно определить истинную природу мотивов и интенций такой жизни, не отводя главную роль лишь разуму. Очевидно, что в живом и непрерывном течении повседневности чувства возникают раньше рефлексии, являясь первопринчиной действия.

Итак, понятие «повседневность» базируется на сложных, неоднозначных принципах и играет главную роль в постижении сущности бытия. Общеизвестно, что человек всегда стремился к этому, призывая на помощь и разум, и чувства. Анализ общественных явлений сегодня ведется с экономической, психологической, рациональной, индивидуалистической точек зрения. Подобный контекст вновь образует базу для противопоставления рационального и эмоционального. Процесс рационализации всех сфер жизни не означает, что объективный разум способен регулировать социальное бытие. Ведь природа и культура, являющиеся его базисом, существуют и функционируют по своим законам, которые неподвластны рационализации. Кроме того, жизненная практика как средство осознания и осуществления действительности также не всегда подчинена законам разума.

Свое понимание жизни как актуальной реальности формулирует Э. Гуссерль. Философ оказывается радикальным в критике теории субъекта и объекта классической философской мысли за забвение «всего человека» [цит. по: 6, с. 138]. Науки, изучающие жизнь опытным путем, включая историю с ее артефактами, не могут претендовать на отражение реальной жизни, тогда как именно жизнедеятельность сегодня живущих людей составляет основу концепции «жизненного мира» Э. Гуссерля. Мир никогда не будет постигнут до конца без осознания ценности его как актуального процесса жизни [8, с. 322].

В современной философии намечается отход от традиционной эпистемологии в сторону гуманитарной. По мнению В. Л. Махлина, гуманитарная эпистемология явилась научно-философским следствием смены гуманитарной парадигмы в XX в. Называя это событие «эйнштейновским» прорывом, автор дает оценку значимости этого процесса. Что же касается причин, то они заключаются в осознании человеком необходимости в перемене способа мышления. Он пишет: «...Традиционная эпистемология игнорирует (как ненаучный) действительный общественно-исторический мир жизни – опыт личности и опыт социальности, опыт политический и опыт “повседневности”, опыт традиции и опыт революции (обращения традиций), опыт биографический, эстетический, религиозный, сексуальный, поколенческий, семейный, космический, профессиональный ...» [9, с. 8].

Жизненное пространство личности формируется в контексте социальности. Осознание ценности существования невозможно без диалога человека и социума, поскольку именно в этом контексте осуществляются рациональные, духовные, творческие поиски. По мнению В. В. Розанова, повседневность – исходный жизненный мир человека, реализуемый в быту, который, в свою очередь, является средством приобщения к метафизическому [цит. по: 10, с. 14–15].

Таким образом, понятие «повседневность» трактуется на стыке теории и практики жизненного мира. Повседневность – это не сухая теория, трактующая жизненный мир, и не обыденный алгоритм внедрения знаний, норм и традиций. Повседневность определяется как «ткань человеческих взаимоотношений, каждое из которых в отдельности рационально, то есть запланировано индивидами, но в совокупности своей образует такую структуру и порядок, который никем не планировался и не предусматривался» [11, с. 238].

Трактовка повседневности на стыке теории и практики свидетельствует о методологическом повороте в рамках социальной философии. Изучение повседневности как элемента общественной жизни служит примером анализа изнутри. Ведь теоретик, исследующий общество, в то же самое время является его частью. Это влечет за собой двойственный способ изучения: теория определяет стратегию его исследования, в то время как практика освоения жизненного мира предлагает инструменты и методы. Таким образом, соединяя в самом себе теоретическое и дотеоретическое знание, исследователь общественной жизни наделяется особой социальной ответственностью, поскольку взаимо-

действует с предметом своего изучения, а следовательно, способен его изменить [3, с. 240].

По мнению О. Д. Агапова, истоки порядка и власти в современной социальной философии не только в государстве, но и в сообществах, в коммуникациях, делающих множество разрозненных «Я» консолидированным «Мы» [1, с. 122]. Повседневная жизнь требует от каждого дисциплины и ответственности за происходящее вокруг, а также работы по воспитанию себя.

Итак, повседневность как практическая основа для становления личности является первичной в различных интенциях человека. Повседневность связана с осознанием себя через понятия дома, Другого – именно они укореняют его в мире. Это первооснова жизни человека, поскольку дом и социум всегда сопутствуют человеку и возникают в контексте человека, а в его отсутствие теряют суть и причину своего существования. Исторические, социально-экономические и культурные реалии формируются способом существования человека. Трактовка повседневности как понятия социального раскрывает суть бытия человека как процесса конституирующего, создающего смыслы и реальность. Одновременно именно упорядоченная, ответственная, созидательная жизнь индивидуума лежит в основе стабильного общества, общества, где происходит встреча человека и мира.

Список литературы

1. Агапов О. Д. Онтология повседневности // Философия в условиях социокультурного многообразия : от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров : сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратове / под ред. М. О. Орлова. Саратов : Издательский центр «Наука», 2017. С. 120–122.
2. Schutz A. Collected Papers 1. The Problem of Social Reality. Martinus Nijhoff Publishers. Boston ; London : The Hague, 1962. P. 208–209.
3. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2002. 320 с.
4. Иванова Д. Н. Феноменология педагогического творчества : онтологический анализ : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2010. 160 с.
5. Розенберг Н. В. Феноменологический поворот в отечественном социально-гуманитарном знании : подходы к изучению повседневности // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Философия. 2008. № 3. С. 46–55.
6. Марков А. В. 1980 : год рождения повседневности. М. : Европа, 2014. 192 с.
7. Марков Б. В. Философская антропология : очерки истории и теории. СПб. : Лань, 1997. 384 с.

8. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век. Антология / под ред. С. Я. Левит. М. : Юрист, 1995. 703 с.
9. Махлин В. Л. Второе сознание : Подступы к гуманитарной эпистемологии. М. : Знак, 2009. 632 с.
10. Городилова Т. С. Онтология повседневности и неклассическая гносеология В. В. Розанова : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киров, 2006. 23 с.
11. Устьянцев В. Б. Антропология жизненного пространства // Жизненное пространство человека и общества : сборник научных трудов / под общ. ред. В. Б. Устьянцева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1995. С. 5–16.

References

1. Agapov O. D. Ontology of Daily Reality. In: M. O. Orlov, ed. *Filosofiya v usloviyakh sociokul'turnogo mnogoobraziya: ot ekspertnogo znaniya do mirovozzrencheskih orientirov* [Philosophy in Sociological and Cultural Diversity: from Expert Proficiency to Worldview Guides]. Saratov, Izdatel'stviy tsentr "Nauka", 2017, pp. 120–122 (in Russian).
2. Schutz A. *Collected Papers 1. The Problem of Social Reality*. Martinus Nijhoff Publishers. Boston, London, The Hague, 1962, pp. 208–209.
3. Leleko V. D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeyskoy kul'ture* [Space of Daily Reality in European Culture]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Saintpetersburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 320 p. (in Russian).
4. Ivanova D. N. *Phenomenology of Pedagogical Creativity: Ontological Analysis*. Diss. Cand. Sci. (Philos.). Saratov, 2010. 160 p. (in Russian).
5. Rozenberg N. V. Phenomenological turn in Russian sociology and the humanities: attempts to daily reality study. *Izvestiya vuzov. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. Filosofiya* [Proceedings of the Universities. The Volga Region. The Humanities. Philosophy], 2008, no. 3. pp. 46–55 (in Russian).
6. Markov A. V. *1980: god rozhdeniya povsednevnosti* [1980: The Year when Daily Reality was Born]. Moscow, Evropa Publ., 2014. 192 p. (in Russian).
7. Markov B. V. *Filosofskaya antropologiya: ocherki istorii i teorii* [Philosophical Anthropology: Historical and Theoretical Sketches]. St. Petersburg, Lan' Publ., 1997. 384 p. (in Russian).
8. Gusserl' Je. *Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya* [European Mankind Crisis and Philosophy]. In: S. Yu. Levit, ed. *Kul'turologiya. XX vek* [Cultural Studies. XX Century]. Moscow, Yurist Publ., 1995. 703 p. (in Russian).
9. Mahlin V. L. *Vtoroe soznanie: Podstupy k gumanitarnoy epistemologii* [The Second Consciousness: Approaches to Humanitarian Epistemology]. Moscow, Znack Publ., 2009. 632 p. (in Russian).
10. Gorodilova T. S. *V. V. Rozanov's Ontology of Daily Reality and Non-Classical Epistemology*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). Kirov, 2006. 23 p. (in Russian).
11. Ustyantsev V. B. Anthropology of living space. In: V. B. Ustyantsev, ed. *Zhiznennoe prostranstvo cheloveka i obshchestva* [Living Space of a Man and Society: Collection of scientific works]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1995. 136 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 12.06.2021, после рецензирования 20.06.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 12.06.2021, revised 20.06.2021, accepted 13.09.2021